

Толстой Лев Николаевич

Упустишь огонь - не потушишь

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Упустишь огонь - не потушишь: Рассказ / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77210-5

ISBN 978-5-519-77210-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Упустишь огонь—не потушишь.

Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказахъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? (Мате. XVIII, 21.)

Исусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ (22).

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими (23).

Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ (24).

А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его, и жену его и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить (25).

Тогда рабъ тотъ палъ и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу (26).

Государь, умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему (27).

Рабъ же тотъ, вышедъ, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, что долженъ (28).

Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ (29).

Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга (30).

Товарищи его, видѣвши происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее (31).

Тогда государь призываетъ его и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня (32).

Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя? (33).

И, разгнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего долга (34).

Такъ и Отецъ Мой небесный поступить съ вами, если не простятъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его (35).

Жилъ въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Щербаковъ. Жилъ хорошо; самъ былъ въ полной силѣ, первый на селѣ работ-

никъ, да три сына на ногахъ: одинъ женатый, другой женихъ, а третій подростокъ, съ лошадьми ѣздилъ и пахать зачиналъ. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смирная и работающая. Жить бы да жить Ивану съ семьей. Только нерабочихъ ртовъ во дворѣ и было, что одинъ старикъ—отецъ больной. (Отъ удушья седьмой годъ на печи лежалъ). Всего было довольно у Ивана --3 лошади съ жеребенкомъ, корова съ подтелкомъ, 15 овецъ. Бабы обували, обшивали мужиковъ и въ полѣ работали; мужики крестьянствовали. Хлѣба своего за новину переходило. Овсомъ подати и нужду всю справляли. Жить бы да жить Ивану съ дѣтьми. Да дворъ объ дворъ жилъ съ нимъ сосѣдъ Гаврила Хромой—Гордея Иванова сынъ. И завелась съ нимъ у Ивана вражда.

Пока старикъ Гордей живъ былъ и Ивана отецъ хозяйствовалъ, жили мужики по-сосѣдски. Понадобится сито бабамъ или ушатъ, понадобится мужикамъ веретѣе или колесо смѣнить до времени,

посылають изъ одного двора въ другой и по-сосѣдски помогаютъ другъ дружкѣ. Забѣжить теленокъ на гумно—сгонять и только скажутъ: не пускай, молъ, у насъ ворохъ не убранъ. А того, чтобы прятать да запирать на гумнѣ или въ сараѣ, или клепать другъ на дружку, того и въ заводѣ не было.

Такъ жили при старикахъ. А стали хозяйствовать молодые—пошло другое.

Затѣялось все изъ пустого.

Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Стала молодайка собирать ко Святой яйца. Что ни день, то идетъ за яичкомъ подъ сарай въ телѣжный ящикъ. Только спугнули, видно, ребята курицу, и перелетѣла она черезъ плетень къ сосѣду и тамъ снесла. Слышитъ молодайка, кудахтаетъ курочка,—думаетъ: „Теперь недосугъ, убраться надо въ избѣ подъ праздникъ,—ужотка зайду, возьму“. Пошла вечеромъ подъ сарай къ телѣжному ящику—нѣтъ яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя,—не брали ли. Нѣтъ, говорятъ, не брали; а Тараска, деверь меньшей говоритъ: „Твоя

хохлатка на дворѣ у сосѣда снесла, тамъ кудахтала и оттуда прилетѣла“. Посмотрѣла молодайка на свою хохлатку, сидитъ рядомъ съ пѣтухомъ на переметѣ, ужъ глаза завела, спать собралась. И спросила бы у ней, гдѣ несла, да не отвѣтитъ. И пошла молодайка къ сосѣдямъ. Встрѣчаетъ ее старуха.

— Чего тебѣ, молодка, надо?

— Да что,—говоритъ,—бабушка, моя курочка къ вамъ нынче перелетала, не снесла ли она яичка гдѣ?

— И видомъ не видала. У насъ свои, Богъ далъ, давно несутся. Мы своихъ собрали, а намъ чужихъ не надо. Мы, дѣвушка, по чужимъ дворамъ яйца собирать не ходимъ.

Обидно стало молодайкѣ, сказала слово лишнее, сосѣдка еще два, и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена съ водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала сосѣдку укорять: помянула, что было, да и то, чего не было приплела. И пошла трескотня. Всѣ вдругъ кричатъ, норовятъ по два слова въ разъ выговорить. Да и слова-то все дурныя.

Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекора моромъ моришь, ты безпоставочная.

— А ты побирушка, сито мое продра-
ла! Да и коромысло-то у тебя наше,
давай коромысло?

Ухватились за коромысло, воду про-
лили, платки сорвали, стали драться.
Подъѣхалъ съ поля Гаврило, вступился
за свою бабу. Выскочилъ Иванъ съ сы-
номъ, свалились въ кучу. Иванъ, му-
жикъ здоровый былъ, раскидалъ всѣхъ,
Гаврилъ клокъ бороды выдралъ. Сбѣ-
жался народъ, насилу розняли.

Съ того началось.

Завернулъ Гаврила свой клокъ боро-
ды въ грамотку и поѣхалъ въ волостное
судиться.

— Я,—говорить,—не затѣмъ ее ра-
стилъ, бороду-то, чтобъ мнѣ ее конопа-
тый Ванька дралъ.

А жена его сосѣдямъ хвалится, что
они теперь Ивана засудятъ, въ Сибирь
сошлютъ. И пошла вражда.

Уговаривалъ ихъ съ печи старикъ еще

съ перваго дня, да не послушали молодые. Говорилъ онъ имъ:

— Пустое вы, ребята, дѣлаете, и изъ пустого дѣло заводите. Вѣдь подумайте, все дѣло у васъ изъ-за яйца завязалось. Подняли ребятишки яичко, ну и Богъ съ нимъ; въ одномъ яйцѣ корысти нисколько. У Бога про всѣхъ хватить. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, какъ лучше сказать. Ну, подрались—грѣшные люди. Бываетъ и это. Ну, подите попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете—вамъ хуже будетъ.

Не послушали молодые старика, думали, что все это старикъ не къ дѣлу говорить, а только по-стариковски брюзжить.

Не покорился Иванъ сосѣду.

— Я,—говорить,—ему бороды не рвалъ, онъ ее самъ себѣ выщипалъ, а его сынъ мнѣ пельки оборвалъ и всю рубаху на мнѣ. Вотъ она.

И поѣхалъ Иванъ судиться. Судились они и у мирового, и у волостного. Пока судились, пропалъ у Гаврилы изъ телѣги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы

этимъ шкворнемъ Иванова сына. „Мы, говорятъ, видѣли, какъ онъ ночью мимо окна къ телѣгѣ подходилъ, а кума сказывала, онъ въ кабакъ заѣзжалъ, тамъ кабашнику шкворнемъ набивался“.

Опять стали судиться. А дома, что ни день, то брань, а то и драка. И ребята бранятся, у старшихъ научаются, и бабы на рѣчкѣ сойдутся, не столько вальками бьютъ, сколько языками стрекочутъ, и все назло.

Сначала клепали мужики другъ на дружку, а потомъ и въ правду, чуть что плохо лежитъ, стали и таскать. И такъ и бабъ и ребятъ пріучили. И стало житье ихъ все хуже и хуже. Судились Иванъ Щербаковъ съ Гавриломъ Хромымъ и на сходкахъ, и въ волостномъ, и у мирового, такъ что и судьямъ всѣмъ надокучили: то Гаврило Ивана подъ штрафъ подведетъ или въ холодную, то Иванъ Гаврилу. И что больше они другъ дружкѣ пакостили, то больше злились. Собаки схватятся: что больше дерутся, то больше остервеняются. Собаку сзади бьютъ, а она думаетъ, что это ее та

кусають, и еще пуще зарится. Такъ и эти мужики,—поѣдутъ судиться, ихъ накажутъ, того либо другого, штрафомъ или арестомъ, и за все это у нихъ другъ на дружку сердце разгорается. „Погоди же, молъ, я тебѣ все это выворочу“. И шло такъ у нихъ дѣло шесть годовъ. Только старикъ на печи все одно говорилъ. Начнетъ бывало усовѣщать:

„Что вы, ребята, дѣлаете? Бросьте вы всѣ счеты, дѣло не упускайте, а на людей не злобьтесь, лучше будетъ. А что больше злобитесь, то хуже“.

Не слушаютъ старика.

Зашло дѣло на седьмомъ году о томъ, что на свадьбѣ стала сноха Иванова Гаврилу при народѣ срамить, стала его уличать, что онъ съ лошадьми попался. Былъ Гаврило пьяный, не сдержалъ своего сердца, ударилъ бабу: и зашибъ такъ, что она недѣлю лежала, а баба тяжелая была. Обрадовался Иванъ, поѣхалъ съ прошеніемъ къ слѣдователю. „Теперь, думаетъ, развяжусь я съ сосѣдомъ: не миновать ему острога или Сибири“. Да опять не вышло Иваново дѣло.

Не принявъ слѣдователь прошенья, освидѣтельствовали бабу: баба встала и знаковъ нѣтъ. Поѣхалъ Иванъ къ мировому, и тотъ переслалъ дѣло въ волостное. Сталъ Иванъ хлопотать въ волости, писарю съ старшиной полведра сладкой пропоилъ, и выхлопоталъ, что присудили высѣчь Гаврилѣ спину. Прочли Гаврилѣ въ судѣ рѣшеніе.

Читаешь писарь: „Судъ постановилъ: наказать крестьянина Гаврилу Гордеева 20-ю ударами розогъ при волостномъ правленіи“. Слушаетъ и Иванъ рѣшеніе и глядитъ на Гаврилу: что отъ него теперь будетъ? Выслушалъ Гаврило, поблѣлъ какъ полотенце, повернулся, вышелъ въ сѣни. Вышелъ за нимъ Иванъ, хотѣлъ къ лошади, да услышалъ—говорить Гаврило:

— Ладно,—говорить,—онъ мою спину высѣчетъ, загорится она у меня, да и у него какъ бы больнѣе чего не загорѣлось.

Услыхалъ эти слова Иванъ, тотчасъ вернулся къ судьямъ.

— Судьи праведные! Онъ меня спа-